

За эти три дня произошло немало событий, и самое главное из них заключалось в том, что Главный герой и Главная героиня узнали истинное положение друг друга. Поэтому через три дня, на самом банкете, тем самым человеком, за которого Главная героиня должна была выйти замуж ради мира между государствами, окажется сам Главный герой.

Поскольку в Дасине были лишь двое мужчин подходящего с Главной героиней возраста — Тао Янь и регент, то, хотя Ян Хуань приходился Императорскому Дяде регентом Ян Яню, он был старше его всего на пять лет.

Из-за проблем со здоровьем прежнее тело Тао Яня изначально не желало этого брака, а регент поплыл по течению и прямо забрал Главную героиню в свои объятия. В результате цель Главной героини изменилась: вместо того чтобы покорить Дасин, она решила помочь Главному герою стать императором.

И поскольку Тао Янь совершенно не собирался позволять отношениям между Лю Сиси и регентом развиваться дальше, он и решил встретиться с Лю Сиси заранее.

— Раз здоровье слабое, тогда когда пойдете в посольство, возьмите с собой двух придворных лекарей, пусть они осмотрят принцессу, — в тоне Тао Яня звучала забота, в то время как в душе он уже начал тихонько потешаться.

Возле Главной героини вечно крутилась пара-другая бестолковых товарищей, чьей задачей было оттенять её незаурядный интеллект; судя по всему, этот посол как раз и был одним из таких остолопов.

Услышав слова Тао Яня, посол тут же запаниковал:

— Н-нет... не нужно беспокоиться, принцесса немного отдохнет, и ей наверняка станет лучше.

Любой бы услышал в этих словах скрытый подвох, и даже некоторые сановники при дворе нахмурились. В их глазах Дунсуй был всего лишь маленькой страной, и подобное поведение сильно отдавало неуважением к Дасину.

Именно такого эффекта и добивался Тао Янь. По первоначальному замыслу, за эти несколько дней Главная героиня должна была разузнать о предпочтениях влиятельных и уважаемых министров Дасина и при первой же встрече заслужить всеобщее одобрение, из-за чего впоследствии многие нейтральные и преданные полководцы переметнулись бы в лагерь регента.

Теперь же у сановников Дасина уже сложилось дурное первое впечатление об этой незнакомой принцессе, прибывшей для заключения мира.

— Тогда передайте принцессе по возвращении в посольство, чтобы она хорошенько отдохнула

сегодня. Вечером я устрою банкет в её честь и приготовлю всё для её встречи после дальней дороги.

Эта фраза звучала так, будто благородный Тао Янь проявил великодушие и не стал мелочиться из-за выходок принцессы из маленькой страны, да еще и оставил им лазейку для отступления. Несколько старых министров кивнули, сочтя поступок Тао Яня исполненным достоинства и не лишённым величия, тем более что он не стал менять время проведения банкета.

Раньше император в основном бездействовал, и кроме этого у него не было других недостатков. Позже, влюбившись в Главную героиню и завидуя Главному герою, он совершил несколько глупостей, из-за чего и закончил трагедией; в противном случае, благодаря своему блестящему происхождению, он смог бы по меньшей мере спокойно встретить старость.

Если не считать инцидента с послом, утреннее заседание прошло точно так же, как и прежде. Министры зачитывали различные доклады, регент предлагал пути решения проблем, а Тао Янь отвечал лишь одной фразой, которую произносил сразу после слов регента:

— Действуйте так, как велел Императорский Дядя.

До совершеннолетия императора Вдовствующая императрица даже участвовала в слушаниях из-за ширмы, соперничая с регентом. Однако в последние годы император возмужал, а здоровье Вдовствующей императрицы ухудшилось куда сильнее прежнего, и она всё реже вступала в споры с регентом — вероятно, борьба длиною в жизнь просто утомила её.

Тем не менее при дворе по-прежнему существовали две группировки: партия Вдовствующей императрицы и партия регента, — и к самому Тао Яню, как к императору, это не имело никакого отношения. Сам же Тао Янь был только рад безмятежности: он предавался буддийскому умиротворению дни напролет и попутно размышлял, как бы возвыситься до новых высот революционную дружбу с этим всесторонне развитым — в моральном, интеллектуальном, физическом, эстетическом и трудовом плане — Главным героем.

Первым делом после завершения утреннего заседания Тао Янь отправлялся досыпать. По идее, это время полагалось тратить на просмотр мемориалов, но во все дела неизменно вмешивалась либо Вдовствующая императрица, либо регент. До императора очередь принимать решения не доходила вовсе, поэтому Тао Янь просто махнул на всё рукой и предоставил этим двоим сражаться друг с другом.

Вернувшись в посольство, посол Дунсюя пересказал Лю Сиси всё, что произошло сегодня на утреннем заседании. Лю Сиси едва не запустила в него книгой. В создавшемся положении ей в любом случае предстояло явиться на сегодняшний банкет, но теперь, вместо того чтобы успеть завоевать чье-то расположение, она заранее заработала дурную репутацию.

Впрочем, Главная героиня на то и Главная героиня: всего за один день она раздобыла сведения о вкусах сановников, намереваясь вечером исправить своё положение. Правда, из-за спешки ей так и не представилось возможности случайно столкнуться с Главным героем.

Не ведая о происхождении Главного героя, Лю Сиси не предъявляла никаких требований к тому, кто станет её суженым, и даже находила, что Ян Янем будет проще манипулировать.

Тщательно принарядившись и подчеркнув достоинства своего лица, она явилась на этот банкет и с первой же встречи очаровала прежнего императора до беспамятства.

Лю Сиси знала, что в Дасине ценят литературу выше боевых искусств и благоволят к начитанным и воспитанным девушкам, поэтому нарочно облачилась в свежие, ненавязчивые наряды и придала себе скромный, утонченный вид.

Однако регент не жаловал девиц подобного склада. Поначалу его привлекли в Главной героине черты, выделявшие её на фоне остальных; в первое время он оказывал ей поддержку чисто из любопытства, и лишь после случайной встречи на просторах Дасина регент посмотрел на неё совершенно иначе.

Этот момент считался важнейшим шагом на пути развития их взаимных чувств, а потому Тао Янь изо всех сил старался помешать этому.

После утреннего заседания Тао Янь слегка перекусил, и нельзя было не признать, что жизнь в императорском дворе поистине невыносима.

Из-за страха перед ядом еду сначала пробовали специальные дегустаторы. Лишь если в течение часа после трапезы с ними ничего не случалось, император мог приступать к еде. Сейчас стояла середина лета, жара стояла невыносимая, а никаких холодильных приспособлений в древности не водилось, поэтому к тому моменту, как блюда подавали Тао Яню, многие из них уже успевали слегка подкиснуть.

Поскольку разбором мемориалов после утреннего заседания занимался преимущественно регент, прежний владелец тела отвечал лишь за то, чтобы ставить государственную печать на уже изданных указах. По сути, это было проявлением признания императора со стороны регента, но прежний император вечно кипел от обиды, порой отказывался сотрудничать и уходил в свои покои предаваться роскошной жизни.

Хотя из-за задержек указов порой случались промедления и убытки, к счастью, обладавший огромным влиянием регент улаживал все проблемы. Однако это лишь усиливало разочарование министров в императоре и их доверие к регенту. Не будь за спиной поддержки рода Вдовствующей императрицы, министры давно бы уже принудили императора к отречению.

Тем не менее в текущих обстоятельствах Вдовствующая императрица могла лишь удерживать этот императорский трон, в то время как гражданские чиновники и военные генералы уже не возлагали на правителя никаких надежд — в конце концов, пока государством управлял регент, поводов для беспокойства ни у кого не было.

Именно благодаря подобному легкомысленному поведению прежнего хозяина тела у Тао Яня появилась возможность тайком ускользать из дворца, чтобы хоть как-то разнообразить свой рацион. Правда, делать это удавалось лишь раз в десять-пятнадцать дней, из-за чего вес Тао Яня неуклонно снижался.

Но раз уж сегодня предстоял переломный момент сюжета, Тао Янь послушно остался в кабинете императора, чтобы принять участие в рассмотрении государственных докладов.

Шёл очередной день усердного и кропотливого притворства, будто он ничего не смыслит в делах. Однако, случайно взглянув на один из мемориалов, Тао Янь в лице внезапно переменился. На его губах застыло невыразимое, полное боли выражение, но во взгляде не было отчаяния — лишь сочувствие, смешанное с глубоким пониманием чужой беды и толикой теплящейся надежды.

<http://bllate.org/book/26041/3117970>